

Памяти предков, на память потомкам.
Моим жене и сыну

Александр Макеев

Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера.
Личный опыт поиска репрессированных

Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
Издательство АСТ

Книга издана при поддержке
посольства Федеративной
Республики Германия

Москва
2020

УДК 94(47+57)»1937»
ББК 63.3(2)61
М15

Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
ISBN 978-5-17-114479-1

Материалы для этой книги о судьбе своего прадеда Александр Макеев — руководитель Центра документации Музея истории ГУЛАГа — собирал в течение трех лет. За это время было сделано огромное количество запросов в различные архивы России и бывших республик СССР, получены материалы следственных, административных и личных дел.

Найдено большое количество фотографий и писем, казалось, утраченных навсегда.

Александр удалось найти 38 писем своего прадеда из Сиблага.

Это последние письма пастора, в которых он пытается поддержать своих родных в вынужденной разлуке. Жене и детям до конца жизни не довелось узнать, что случилось и почему письма из Сиблага перестали приходить. В ходе поисков правнуку удалось выяснить настоящую причину такого молчания: Вольдемар Вагнер был расстрелян 24 сентября 1937 года.

Александр Макееву удалось также установить личности людей, непосредственно участвовавших в расстреле прадеда, всех членов расстрельной команды.

Александр Макеев в своей книге не просто описывает судьбу репрессированной семьи. Он делится поисковым опытом. Благодаря этому исследованию автор сменил род деятельности, начал работать в Центре документации Музея истории ГУЛАГа и помогать тем, кто ищет информацию о репрессированных.

Александр Макеев,
автор-составитель, руководитель Центра
документации Музея истории ГУЛАГа

Елена Шмараева,
литературный редактор

Татьяна Полянская,
научный редактор, кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник Музея
истории ГУЛАГа

Светлана Пухова,
руководитель издательской программы
Музея истории ГУЛАГа

Дизайн:
Анна Наумова, Кирилл Благодатских

Корректурa:
Инна Кроль

Расшифровка документов:
Александр Макеев
Рамона Луома
Ольга Бровкина

Расшифровка и перевод с немецкого:
Алёна Шпилова
Александр Макеев
Александр Баумунг (Германия)
Dr. Mirjam Sprau (Германия)
Gunnar Wendt (Германия)

Руководитель проекта
Илья Данишевский
Издательство АСТ

Ответственный редактор
Мария Андрюкова
Издательство АСТ

Музей истории ГУЛАГа
127473, Москва,
1-й Самотечный переулок, 9, стр. 1
+7 495 681-88-82
+7 495 621-73-10
www.gmig.ru

Отпечатано в типографии
АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский дом печати»
Тираж 2000 экз.

**Музей
истории
ГУЛАГа**

**ФОНД
ПАМЯТИ**

Посольство
Федеративной Республики Германия
Москва

АНГЕДОНИЯ
проект Данишевского

Содержание

Вступление. Время всегда одно — здесь и сейчас	9
Начало. «Отец рассказывает сыну историю»	13
Первые запросы. Три приглашения из двух городов	19
В архивах. Первые открытия	25
Александр. Учитель из Саратова	59
Иван. Брат в нужде	93
Эмануил. Трудовая армия для отца и сына	117
Вольдемар. Судьба пастора	133
Вольдемар. Личное дело	169
«Миленькая, дорогая жена!» Последние письма из лагеря	185
Обвинение, приказание, акт. Смерть Вольдемара	259
Назвать имена. Где погиб Вольдемар, и кто его убил	263
«Мы, дважды распятые». Вместо послесловия	303
Досье сотрудников НКВД, причастных к гибели Вольдемара Вагнера	327
Как искать информацию о репрессированных родственниках	341
Список архивов	347
Список сокращений	348

Время идет, и сегодняшние молодые люди оказываются все дальше от событий XX века. При этом многие из них, видя диаметрально противоположные оценки прошлого, хотят самостоятельно разобраться: что же тогда на самом деле произошло?

Один из самых действенных способов составить собственное мнение — обратиться к изучению семейной истории. Но у многих жителей постсоветского пространства связь со своим прошлым прервана из-за длительного периода политических репрессий. Решив восполнить этот пробел, нужно быть готовым к тому, что полученная в ходе поисков информация может изменить тебя и твою жизнь навсегда.

Книга Александра Макеева — пример того, как целеустремленность, терпение и упорная работа могут вернуть из небытия судьбы своих предков и не только. Автору удалось также установить личности людей, участвовавших в расстреле его прадеда, и всех, кто был к этому причастен.

За три года Александр Макеев проделал большой путь — разобрался в законодательстве и специфике работы архивов, нюансах составления запросов и общения с ведомствами, узнал, как собрать необходимые документы и какую информацию можно получить, — и теперь он делится этим опытом с нами. Хочется верить, что эта книга и работа Центра документации Музея истории ГУЛАГа, которым теперь руководит Александр, помогут многим людям восстановить историю репрессированных родственников и составить свое мнение о советском периоде нашей истории.

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа,
руководитель Фонда Памяти

Вступление. Время всегда одно — здесь и сейчас

Эта книга — не историческая монография. Она посвящена прошлому моей семьи, но ее нельзя назвать научным исследованием. Да, у меня есть историческое образование. Но между получением диплома и работой над этой книгой прошло почти двадцать лет, и все это время моя деятельность не касалась выбранной когда-то специальности. С большой долей вероятности, я допустил массу неточностей. Но я готов к критике.

Тема репрессий для меня и моей семьи стала важной абсолютно неожиданно. История моих репрессированных родственников, как и миллионов других, была осознанно вычеркнута из общей истории нашей страны. Но я уверен, что отголоски тех событий до сих пор проявляются в моей жизни. Чтобы наконец разобраться с этим «багажом», я и начал это расследование. Хотел расставить все точки над «i», раз и навсегда понять, что тогда произошло и как к этому относиться.

Цель этой книги — вовсе не анализ явления в историческом контексте. Я хотел поделиться своим опытом и показать: каждый желающий может узнать, что действительно произошло с его семьей в годы репрессий.

Я намеренно старался соблюдать чистоту эксперимента: даже став сотрудником Музея истории ГУЛАГа, все запросы я делал от своего имени, то есть от частного лица. Нарушил этот принцип я лишь дважды. Когда искал последнего неизвестного из команды, расстрелявшей моего прадеда (поиски зашли в тупик, и я сделал ряд запросов от имени Музея, чтобы придать им вес и перевести переписку в официальное русло), и когда запрашивал цветные цифровые копии документов.

Тот факт, что почти всю информацию я собрал как частное лицо, доказывает: любой из вас может сделать это самостоятельно. Нужно только желание, терпение и нацеленность на результат.

Я бы очень хотел, чтобы как можно больше читателей этой книги нашли и прочли следственные дела своих репрессированных родственников: близких и двоюродных, дедов и прадедов, отцов и матерей. Когда знаешь все доподлинно, уже никто не сможет убедить в том, что «было такое время» и «так было надо». Нет этому никакого оправдания. И время всегда одно — здесь и сейчас.

Буду рад вашим отзывам и вопросам.
Пишите по адресу: pismawagnera@gmail.com

Начало. «Отец рассказывает сыну историю»

Я родился в Сибири, в городе Томске, сорок лет назад. Мои родители не были коренными сибиряками, но к тому времени этот город стал для них настоящей родиной. Папа появился на свет в Казахстане, в городе Актюбинске. Мама — в Тамбовской области, но когда она была еще младенцем, вся семья переехала в Братскую область вслед за отцом-машинистом — он работал на строительстве БАМа¹. Родители приехали в Томск получать высшее образование, познакомились и стали томичами. Здесь родились мы с моей старшей сестрой. Здесь же я в 2000 году окончил исторический факультет Томского государственного университета и получил специальность «историк, преподаватель истории». Преподаватели получали копейки, и мало кто работал по специальности — все зарабатывали как могли. Не стал исключением и я. Увлёкся музыкой, начал работать со звуком — звукорежиссура стала моей профессией на ближайшие пятнадцать лет. Однако интерес к истории семьи все в корне изменил.

Когда что-то происходит прямо перед носом, постоянно, с самого детства — это не кажется чем-то необычным, скорее, воспринимается как данность, обыденность. Интерес, если и приходит, то гораздо позже, когда появляется возможность увидеть привычное со стороны. И тогда примелькавшаяся до незаметности вещь становится открытием. Подобно легенде о Ньютоне и падающем яблоке — все видели, что яблоки падают, но никто не задавался вопросом: почему? Ты всю жизнь жил с чем-то рядом — и лишь через много лет понял, что именно находится прямо перед тобой.

Мне никогда не казалось странным то, что мой папа — русский, но родился в Казахстане. Не казалось необычным, что его маму зовут Фрида, а у его тети, с которой мы с сестрой проводили много времени, потому что она жила со своим мужем в Томске и, по сути, заменила папе мать, — совсем не русское имя Гильда. Было немного обидно, что нас с сестрой отдали в специализированную немецкую школу. Это не всегда понимали друзья во дворе, это нас вроде как выделяло. В этой школе, впоследствии ставшей гимназией, многие учителя носили немецкие фамилии, немецкий язык преподавали со второго класса, а в учебной программе старших классов были «Литература Германии», «Технический перевод»,

1 БАМ (Байкало-Амурская магистраль) — железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Основной путь «Тайшет — Советская Гавань» строился с перерывами с 1935 по 1984 год. В 1930–1940-е годы магистраль строили силами заключенных исправительно-трудовых лагерей. Общая протяженность магистрали 4300 км.

«Гид-перевод» — все на немецком языке. Частично на немецком вели историю и астрономию. Дома было очень много книг, и абсолютно буднично среди прочих смотрелись книги на немецком. С бабушкой Фридой, которая жила в Екатеринбурге с семьей старшего сына, Виктора, мы иногда переписывались на немецком для школьной практики. И я никогда не задавался вопросом, откуда она знает этот язык.

Как-то раз, когда я учился во втором или третьем классе, папа рассказал мне о том, что бабушки Фрида и Гильда — немки, их папа, Вольдемар Вагнер, был священником и пропал в лагерях, а дочерей (еще была младшая — Изольда) вместе с их мамой, прабабушкой Паулиной, сослали в Казахстан. Я наивно рассказал об этом одноклассникам в школе, и порой это служило хорошим поводом для дразнилок. Для нас тогда все было просто, как в советском кино: если немец — значит, фашист. Один раз пришлось даже подраться, когда одноклассник Андрей Попов сказал мне, что моего прадедушку сослали правильно. Я ничего не знал о прадедушке, но это почему-то обидело меня до слез — помню этот момент до сих пор.

Уже в сознательном возрасте, переехав жить в Санкт-Петербург, я смутно начал понимать, что на самом деле произошло с прадедом. Я знал о том, что перед высылкой семья жила в Ленинграде. Вот я иду по тем улицам, по которым, возможно, ходили они. Вот передо мной церковь, в которой служил мой прадед. Вот Павловск, где жила семья, а вот и «Большой дом»² — печально известная громадина — крепость на Литейном проспекте, где прадед сидел под следствием, где его допрашивали и где в очередях, в надежде узнать хоть что-нибудь о судьбе своего мужа, стояла моя прабабушка. Эти женские очереди, с их ужасающим отчаянием, описала в своей повести «Софья Петровна» Лидия Чуковская, которая знала об этом времени не понаслышке.

Прошлое стало для меня гораздо ближе, но сделать первый шаг тогда я так и не решился. Несколько раз ходил вокруг «Большого дома», один раз даже открыл эту массивную дверь и вошел, но, увидев там огромную очередь и суесящихся людей, ждать не решился и поспешил уйти. Честно признаться, я чувствовал страх. Не поверхностный страх, когда ты пугаешься какой-то неожиданности, а страх животный, какой-то глубокий, засевший в костях. Страх, что обо мне узнают «там».

² «Большой дом» — неофициальное название восьмиэтажного здания в Санкт-Петербурге на Литейном проспекте, в котором находится Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Здание было построено в 1932 году для Управления Полпредства ОГПУ (позднее НКВД) по Ленинграду и Ленинградской области.

В моей семье никто не знал, что произошло с прадедом. От него просто перестали приходить письма. Последнее пришло летом 1937 года с железнодорожной станции Яя (нынешняя Кемеровская область). Удивительно, что эта станция — сейчас поселок городского типа — находится буквально в сотне километров от Томска, но ни мой отец, ни бабушка Гильда, по крайней мере на моей памяти, туда не ездили. В 1957 году, через 22 года после ареста Вольдемара, семья получила документ из Кемеровского городского ЗАГСа — свидетельство о смерти. В нем было сказано, что Владимир Богданович (так на русский манер Вольдемара Готтлибовича Вагнера называли в документах) умер 12 ноября 1942 года от уремии на почве заболевания почек. Вот и все.

Шли годы, мы с женой перебрались из Петербурга в Москву, у нас родился сын. Видимо, эта перемена в моей жизни и послужила своеобразным толчком: пружина начала раскручиваться. Сейчас, много читая о ГУЛАГе³ и семейной истории, я часто встречаю рассказы о том, как человек начинает интересоваться прошлым своей семьи именно после рождения ребенка. Потому что только родителям, полностью ответственным за маленькую жизнь, становится понятно, что значит попасть с детьми, например, в ссылку. Что значит, когда тебя кто-то насильно разлучает с твоими детьми. Недавно я посмотрел документальный фильм о четырех парнях, литовцах, отправившихся в экспедицию на север Якутии, куда когда-то давно были сосланы их прадеды и прабабушки. Они хотели увидеть это место и поставить там памятник своим предкам. В фильме один из них рассказывает: такое желание и понимание важности у него возникло именно после рождения ребенка. Он понял, что пришлось пережить его родным.

Очень похожий случай описывает в своей книге «Памяти памяти» Мария Степанова, говоря о книге Рафаэля Голдчейна «Я сам себе семья»:

«Начало проекта (а как еще это назовешь) похоже на все начала: отец рассказывает сыну историю, шаг за шагом все глубже в нее погружаясь. Судя по всему, Голдчейн не очень интересовался семейными делами до тех пор, пока не стал родителем; в его доме о прошлом не говорили, тайная немота — своего рода запечатанность, как у бутылки с посланием, которую еще не пора открыть — вещь обыкновенная, “у нас не принято было об этом вспоминать”, “он всегда молчал”, “она не хотела говорить об этом”, повторяют внуки и правнуки.

3 ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (1930–1956). После публикации художественно-исторического произведения А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» эта аббревиатура стала символом беззакония, каторжного труда и человеческого бесправия.